

МИРЗА ФАТАЛИ АХУНДОВ

«ОБМАНУТЫЕ ЗВЕЗДЫ»

В начале владычества Сефевидов столицей Ирана был Казвин. Мухаммед-шах Сефевид после ряда разнообразных событий передал бразды правления своему сыну, Шах-Аббасу Первому. Описываемое нами событие произошло на седьмой год правления Шах-Аббаса Первого.

Было начало весны, прошло три дня после Новруз-байрама, праздника Нового года. В три часа пополудни Шах-Аббас вел неторопливую беседу со своей любимой женой Сальми-хатун, как вдруг вошел главный евнух, Хаджи-Мубарек, и, низко поклонившись, сказал:

— Главный звездочет Мирза-Садреддин хочет удостоиться чести лицезреть его величество, кыблу вселенной (свет вселенной — обычное обращение к правителю в мусульманских странах — ред.), по весьма важному делу.

Шах попросил Сальми-хатун удалиться в покой гарема, и приказал евнуху:

— Впусти Мирза-Садреддина.

Войдя, главный звездочет низко поклонился шаху и, сложив руки на груди по обычаю, прочитал молитву за своего повелителя и восхваление в его честь.

— Что случилось, Мирза? — спросил шах.

— Всемогущий творец да сохранит здоровье и жизнь кыблы вселенной! Недавно по движению светил стало известно, что через пятнадцать дней после Нового года планета Марс пройдет мимо созвездия Скорпиона и при их сближении в восточных землях, а именно в Иране, на особу верховной власти обрушится удар судьбы. Поэтому я, преданный и верный раб высокого престола, счел своим долгом предупредить об этом кыблу вселенной.

Шах был очень молод, ему только минуло двадцать два года. В эти годы жизнь дорога и мила каждому смертному, а особенно тому, кто стоит на высшей ступени благополучия и владеет шахским престолом. Поэтому молодой шах, услышав сообщение главного звездочета, испугался. Он так побледнел, что казался мертвецом. Через минуту, подняв голову, он сказал Мирза-Садреддину:

— Хорошо, ты свободен, иди!

Низко поклонившись, главный звездочет вышел. Шах, оставшись один,

надолго задумался; потом он позвал Хаджи-Мубарека и велел ему:

— Пошли стражей, чтоб сейчас же позвали ко мне везира Мирза-Мохсуна, военачальника Заман-хана, казначея Мирза-Яхью и главного моллу Ахунд-Самеда!

Вскоре созванные главным евнухом люди явились и, выполнив обычные церемонии придворного этикета, молча стали перед шахом, готовые выслушать его приказания.

Шах сказал им:

— Я позвал вас для обсуждения важного вопроса, и вы должны найти путь к его разрешению. Так как собрание верховное, я разрешаю вам сесть.

Присутствующие повиновались.

Шах поведал им роковую весть, только что сообщенную ему главным звездочетом, и заключил рассказ вопросом — каково мнение сановников об этом и какие он должен принять меры, чтобы предотвратить удар судьбы, угрожающий его жизни. Неожиданное известие крайне удивило всех и привело их в смятение. После минутного молчания первым заговорил везир Мирза-Мохсун.

— Преданность ничтожнейшего раба высокому престолу ни для кого не составляет секрета. Конечно, кыбла вселенной, наш великий шах шахов, сам хорошо помнит, в каком плачевном состоянии находилась государственная казна в предшествующее царствование, когда благородные предки шаха по безграничной доброте своей назначали на пост везира людей, чрезвычайно ограниченных и крайне недалёковидных. Но как только ваш покорный раб узнал, что государственная казна пустует, он немедленно приступил к изысканию способов ее пополнения и придумал следующее действенное средство. Было решено, что каждый из слуг двора, получающий назначение на какую-либо должность или в управление ту или иную провинцию, будет вносить в казну плату в виде подарка, соразмерно полученным им должностям или чину. Для той же цели было постановлено еще следующее. Когда кыбла вселенной удостоит какого-нибудь сановника или начальника вниманием и осчастливит его дом своим посещением, то осчастливленный слуга, в благодарность за такое милостивое отношение шаха к нему, обязан также в виде подарка принести повелителю известную сумму денег и устлать порог своего дома драгоценными тканями и коврами, которые тоже поступают в собственность великого гостя. Благодаря этим мерам в настоящее время, когда не прошло еще и полных семи лет со дня восшествия на престол великого шаха шахов, государственная казна — слава и благодарение аллаху! — полным-полна. Успешному ходу государственных дел ничтожнейший

раб ваш всегда оказывал большое содействие, и не было случая, чтобы он оплошал; но, признаюсь чистосердечно, я крайне затрудняюсь найти средство против движения звезд.

После везира Мирза-Мохсуна, начал говорить военачальник Заман-хан.

— Борода вашего покорнейшего и вернейшего слуги поседела на службе великому престолу, которую он нес честно и умело. Так, например, десять лет назад семидесятитысячное турецкое войско, предводительствуемое Бекир-пашой Демирчи-оглы, вторглось в Иран. Тогда великий родитель достойнейшего шаха поручил мне главное руководство иранскими войсками. Хотя они по численности несколько не уступали турецким, но я, опасаясь, как бы наши благороднейшие воины не были побиты и уничтожены нечестивым и злодейским племенем турок, распорядился, чтобы начиная от самой турецкой границы по всему Азербайджану посева крестьян были истреблены, их скот угнан, Вороги испорчены и мосты разрушены. Перейдя нашу границу, йекир-паша не встретил никакой воинской силы; зато дороги оказались в таком плачевном состоянии, что артиллерия совершенно не могла двигаться; только пехота и легкая конница после больших трудностей и лишений достигли Тебриза. Бекир-паша разослал отряды турецких воинов по окрестным селам, чтобы добыть пропитание для войска, но им не удалось найти ни одного зернышка, ни одного быка или коровы. Изнуренные и голодные турки на третий день забили в барабаны и бежали из Тебриза, осмеянные и поруганные. Таким образом, иранское государство было спасено от чужеземного нашествия. А решение испортить дороги и разрушить мосты оказалось настолько мудрым и полезным, что наше правительство сочло необходимым оставить их в таком состоянии даже после бегства Бекир-паши, дабы чужеземные племена и впредь не дерзали переходить нашу границу. Так победоносное войско наше всегда находилось в полном благополучии, и не пролилось ни капли крови даже из пальца ни одного воина. В подобных случаях старый пес высочайшего двора в состоянии пустить в ход всю свою изобретательность, но... придумать что-либо против предсказания звезд мой ум бессилён...

Военачальник умолк. Страх еще сильнее сжал сердце шаха. Очередь дошла до казначея Мирза-Яхьи.

— Ничтожный раб ваш, состоящий в родстве с везиром, воспитывавшийся под его руководством и достигший благодаря его содействию настоящего своего сана, проявлял преданность и честность, полностью проникся его замыслами, его благими стремлениями и его образом действия. Известно, что низшие наши служащие и воины получали жалованье из доходов по указу кыблы вселенной, скрепленному моей подписью. Когда выяснилось, что государственная казна, как об этом докладывал везир, пуста и денег нет, я был этим очень огорчен. Хотя я и подписывал тогда все указы на выдачу

жалованья и рассылал их по округам, но все это делалось только для того, чтобы поддержать авторитет власти и не уронить ее представителей в глазах населения. Еще до отсылки указов, я направлял каждому правителю округа тайное предписание: не выдавать жалованья по указам и ждать моего особого разрешения. Благодаря этим мерам государственная казна за короткий срок переполнилась. Что же касается войска и чиновников, которые лишены были положенного им жалованья, то благодаря миру и спокойствию, царившим в стране, и небывалой дешевизне, они не чувствовали особой нужды в жалованье. При затруднительных обстоятельствах, подобных указанным, мой ум достаточно изворотлив и проницателен, но найти средство против небесных светил он не в силах.

Наконец очередь дошла до главного моллы, и он сказал так: — Да сохранит всеблагий творец во имя чистейших и святейших имамов благородное тело нашего шаха от небесных стихий и земных несчастий! Ваш покорный раб беспрестанно молится за благороднейшую династию Сефевидов, хотя и чувствует свое ничтожество перед величием этой могущественной династии и знает, что, сколько бы он ни восхвалял и ни молил о ее процветании и долгоденствии, все же не в состоянии исполнить свой долг; это-сверх его сил. Когда великий родитель кыблы вселенной удостоил меня почетным званием главного моллы, половина жителей Ирана, не исключая и престольного города Казвина, была суннитами (течение в исламе — ред.). Душеспасительными наставлениями и силою убедительных проповедей, с одной стороны, и внушительными угрозами-с другой, я направил всех исповедовавших суннитскую веру на истинный путь двенадцати имамов. Теперь, благодарение аллаху, на иранской земле не найдется и десятка суннитов. Приятным своим долгом считаю отметить с благодарностью также и благодушие самого народа: все бывшие сунниты, по одному моему предложению, отказались от верования своих отцов и дедов и приняли истинное учение. Я хотел обратить в шиитскую веру даже армян и евреев, но мудрые люди отсоветовали, указав на другие государства, в которых армяне и евреи также проживают в незначительном числе и где никто не касается их религии.

Известно, кроме того, что, согласно толкованию вернейших хадисов-изречений святейших имамов, шахи, восседающие на троне и носящие венцы в мусульманских странах, не считаются святыми и достойными поклонения, так как это преимущество составляет исключительное право имама или его преемника и ученойшего муджтахиды. Для устранения этого недоразумения я послал всем духовным лицам и проповедникам приказ: объявить народу, что сила вышеупомянутых преданий не распространяется на ныне царствующую династию Сефевидов, как происходящую от потомков пророка и имамов. Очевидно, мудрейшие имамы изволили этими изречениями ограничить власть и значение других шахов, а не своих потомков. В данное время, когда жизнь кыблы вселенной находится в опасности от

неизъяснимых действий небесных светил, сердце покорнейшего раба вашего трепещет от горя и бьется, как рыба, выброшенная на сушу, а ничтожный ум мой подсказывает мне, что этот проклятый звездочет вернее всех нас может найти выход из этого положения. Он — подлый изменник, открывший намерения звезд, но скрывший средства борьбы с ними. Я уверен, что он строит козни: может ли быть, чтобы, указав яд, он не знал противоядия? Наш пророк, да будет благословенно его имя, не напрасно сказал: «Все звездочеты-лжецы». Изречение это, по моему мнению, берет под сомнение именно их поступки, а не знания и ученость, так как в большинстве случаев предсказания проклятых звездочетов, к сожалению, оправдываются, но сами они плуты и пройдохи. Надо бы вызвать самого главного звездочета и приказать ему найти средство против опасности, угрожающей шахиншаху. Если же он станет отнекиваться, велите палачу отрубить ему голову!

Главный молла давно враждовал с главным звездочетом. Теперь обстоятельства складывались благоприятно для того, чтобы «сжечь могилы отцов» всех звездочетов, не исключая и главного. Да и главный звездочет Мирза-Садреддин проявил изрядную несообразительность: чего ему вздумалось сообщить шаху такую страшную весть, ввергать его в ужас и к тому же рисковать своей жизнью? Впоследствии эту оплошность многие ставили ему в вину, но тот оправдывался, говоря:

— Я поспешил с этим неприятным сообщением из боязни, как бы другие звездочеты не сделали этого. Тогда шах, несомненно, счел бы меня невежественным ослом, и, наверное, лишил бы должности главного звездочета.

Так или иначе, но после неприятного известия шах всей душой возненавидел главного звездочета, а после слов главного моллы пришел в такую ярость, что, кликнув Хаджи-Мубарека, приказал, не медля ни минуты, послать стражу за главным звездочетом Мирза-Садреддином.

Не прошло и часа, как Мирза-Садреддин предстал перед повелителем. Шах, напоминая разъяренного льва, приподнялся на коленях, и гневно закричал:

— Как осмелился ты, собачий сын, грозить мне бедою, скрывающейся в звездах, не сказав о средствах против нее?! Эй, палач!..

В одно мгновение явился палач с мечом за поясом и веревкой в руках. Мертвенно-бледный Мирза-Садреддин дрожал, как лист. Указав на него, шах приказал палачу:

— Уведи этого пса и отруби ему голову!

Военачальник Заман-хан, хотя и был храбрым воином, на сердце имел мягкое и сострадательное. Ему стало жаль главного звездочета, и он начал просить шаха помиловать его:

— Кто нас выручит из беды, если этому псу отрубят голову? Осмеливаюсь просить ваше величество из уважения к моим сединам не торопиться с казнью этого ничтожного раба и велеть ему найти средство против угрожающей нам опасности. Если же он окажется не в силах сделать это, пусть тогда палач расправится с ним.

Шах велел палачу удалиться. Затем, обратившись к главному звездочету, приказал:

— Презренный раб! Немедленно укажи средство, как избавиться от грозящей нам беды!

Бедный звездочет был в крайне затруднительном положении. Он решительно не знал никакого средства против неблагоприятного расположения звезд, но страх заставил его скрыть свое неведение. Дрожа всем телом, он взмолился:

— Я, прах с ваших ног, осмеливаюсь доложить, что беду эту можно предотвратить. Только дайте час срока — заглянуть в «Зиджи-Улугбек» и определить, какие средства названы там против подобных явлений.

Надо заметить, что в «Зиджи-Улуг-беке» не упоминается ни о каких средствах против неблагоприятного расположения звезд. Главный звездочет выдумал это, чтобы оттянуть время и успеть сбегать за советом к своему учителю Мовлана-Джемаледдину, которого считал лучшим знатоком астрологии.

Шах дал согласие, но главный звездочет не успел еще выйти, как вошел Хаджи-Мубарек и доложил шаху о Мовлане-Джемаледдине, желавшем лицезреть шаха. Шах приказал впустить его, а главному звездочету велел пока оставаться во дворце. Вошел Мовлана, низко поклонившись шаху, опустился на указанное ему сиденье и начал так:

— Да продлит всевышний жизнь повелителя мира! Я, покорный раб его, вследствие старческой немощи обречен судьбою проводить остаток жизни в одиночестве. Но неблагоприятное расположение звезд принудило меня пересилить себя и предстать перед вашими светлыми очами. Через пятнадцать дней после праздника Новруз-байрам планета Марс пройдет мимо созвездия Скорпион, и при их сближении разразится величайшая беда над благородной кыблой вселенной. Поэтому ваш покорный слуга счел своим долгом объявить вашему величеству о предстоящей опасности и указать меры для ее предотвращения, так как молодые, неопытные

звездочеты могли не разобраться в движении звезд и упустить это важное предзнаменование.

Шах очень обрадовался такому сообщению Джемаледдина.

— Мы сами, Мовлана, — сказал он, — заняты этим вопросом. Событие это нам известно. Посоветуйте, какие принять меры. Мовлана сказал:

— В эти злополучные дни, то есть через пятнадцать дней после Новруза, кыбла вселенной должен отстраниться от государственных дел. Он должен отказаться от власти и престола, передать их какому-нибудь преступнику, достойному смерти, самому же удалиться и пребывать в неизвестности. Тогда разрушительное действие звезд разразится над головой грешника, который будет в это время полновластным шахом Ирана. Когда же нечестивец, мнимый шах Ирана, погибнет, кыбла вселенной вновь появится, займет свой трон и будет царствовать в полном счастье и здравии, на славу нашего могучего государства. Но такая перемена в жизни его величества должна совершиться в строжайшей тайне, и никто из его подданных не должен знать, что шах, вынужденный обстоятельствами, временно уступает свой престол. Напротив, все подданные должны считать грешного злодея подлинным властителем Ирана. Необходимо также расторгнуть брачные акты всех жен шаха и освободить их от брачных уз. Затем можно предложить им выйти замуж за Аббаса Мухаммед-оглы, отныне уже не шаха Ирана, а простого иранского подданного. С теми из жен, которые будут согласны вторично вступить в брачный союз, следует заключить брачный акт, а с несогласными немедленно учинить развод.

Главный звездочет избавился от опасности. Шах уже не испытывал никакого страха. На его побледневших было щеках скова выступил румянец. Члены верховного совета стали хвалить находчивость и прозорливость Мовлана. С сияющим от радости лицом шах обратился к главному молле с вопросом, есть ли у него на примете нечестивец, смерть которого могла бы быть одобрена предписаниями шариата и которому можно было бы предоставить управление государством. Главный молла ответил:

— Да сохранит творец миров жизнь кыблы вселенной! В нашем городе, Казвине, с недавних пор появился некий бездельник, великий грешник, подобного которому не сыскать во всей вселенной. Имя его-Юсиф, по ремеслу он-седельник; где он жил раньше-неизвестно, но только, поселившись в Казвине, он собрал вокруг себя приверженцев-чернь и подонков общества, и вечно хулит высокопочитаемых ученых и бескорыстных служителей шариата. Проклятый открыто говорит своим последователям, будто высокоуважаемые ученые-богословы обманывают простой народ. По его словам, например, священная война не обязательна, а уплата налога в пользу потомков пророка и духовенства незаконна: будто

современные богословы не признают предшествовавших ученых, чтобы не уменьшить своего значения и успешнее морочить простой народ. Он утверждает, что все должностные лица, начиная с сельского старшины и кончая самым венценосцем, — разбойники и тираны. По его мнению, стране и нации нет никакой пользы ни от кого из них; ради удовлетворения своих потребностей они облагают бедный народ всякими податями и ненужными поборами; в своих делах и поступках они не руководствуются законами, нарушают требования справедливости и чести. Так, говорит он, поступают лишь злодеи, грабители и разбойники. Утверждают также, что этот нечестивец по своим религиозным убеждениям принадлежит к поганой секте, исповедующей переселение душ. Преданный раб победоносной и могущественной державы нашей осмеливается думать, что лучше всего предоставить временное правление этому проклятому мятежнику, чтобы он погиб от разрушительного действия звезд и нашел возмездие в глубинах ада! Члены совета, одоббив мнение главного моллы, единогласно заявили, что собачий сын, седельник Юсиф, вполне заслуживает наказания неба и достоин смерти.

Довольный шах заявил:

— Я согласен. Пусть он погибнет такой смертью! Намеченные меры провести завтра.

Затем члены верховного совета разошлись.

Может быть, читатели усомнятся в правдивости этой истории и сочтут ее за вымысел автора? В таком случае я рекомендовал бы им открыть книгу «Тарихи Алим-Арам» и почитать там страницы, посвященные седьмому году царствования Шах-Аббаса.

Теперь познакомим читателя с седельником Юсифом.

Юсиф родился в деревне близ Казвина. Отец его, крестьянин, по имени Кербалай-Селим, был человек богобоязненный и благочестивый. Он мечтал сделать своего сына моллой и дать ему возможность войти впоследствии в просвещенный круг ученых богословов. С этой целью он привез Юсифа в Казвин и определил в школу. Достигнув совершеннолетия, Юсиф для пополнения и совершенствования богословских знаний отправился сначала в Исфаган, а затем в священный город Кербалу, где слушал проповеди ученейших богословов.

В продолжение многих лет, изучая мусульманские науки, Юсиф ближе узнал духовенство и ученых. Убедившись в том, что они лицемерны и лживы, он не захотел стать моллой и навсегда сохранил в сердце непреодолимое отвращение к этому званию. Из Кербалы он переселился в Хамадан.

Когда ему было сорок лет, он обучился за год ремеслу седельника. После чего вернулся в Казвин, где можно было заработать больше, чем в других городах. Здесь Юсиф женился и открыл мастерскую. Видя лицемерие молл и гнусные поступки продажных чиновников, этот честный и благородный человек возмущался всей душой, и не в состоянии был удержаться от изобличения их. Правдивость и смелость Юсифа завоевали ему немало искренних и преданных друзей, но в конце концов они же стали причиной его гибели.

На следующий день, за два часа до полудня, по приказанию шаха собрались во дворце министры, вельможи, благороднейшие сановники, достойнейшие ученые, потомки пророка-сеиды- и чиновники, начиная с великого везира и кончая уличным старшиной. Каждый из них, заняв свое место в обширной приемной, стоял молча, с трепетом ожидая появления властителя мира. Вскоре показался шах в полном шахском облачении. На голове у него была сверкающая корона. В руках он держал золотой скипетр, усеянный драгоценными камнями. На поясе висел меч- символ шахского могущества. Пояс, рукоятка и ножны меча, а также нарукавники были украшены самоцветами. Шах сел на трон и обратился к собравшимся со следующими словами:

— Уже седьмой год, о мои верноподданные, как я по воле предвечного творца царствую над вами. Каждому из вас я оказывал по мере сил милость и внимание. Я в свою очередь доволен всеми вами, так как вы по исконной преданности могущественной династии Сефевидов не проявили недостатка в усердии, искренности и любви ко мне. Теперь по некоторым причинам, которые я не считаю нужным открывать вам, я вынужден отречься от верховной власти и предоставить ее лицу, более достойному и опытному в делах правления. Человека этого укажут вам главный молла, военачальник Заман-хан, везир, казначей, Мовлана-Джемаледдин и главный звездочет. Вы все должны пойти к нему и с подобающими почестями торжественно привести во дворец. Посадив его на этот трон, вы должны признать его полновластным вашим господином и беспрекословно подчиняться его воле. Несчастье падет на голову того, кто нарушит этот мой приказ и осмелится проявить малейшее неповиновение новому шаху.

После этих слов шах, сняв с головы корону, положил ее на трон; снял также богатый свой наряд, отстегнул меч и облачился в простую одежду. Затем он вновь обратился к собравшимся:

— Отныне я один из самых обыкновенных людей, бедняк Аббас Мухаммед-оглы; с этого дня вы не увидите меня. Прощайте, да хранит вас всемогущий создатель!..

Потом он спустился со ступеней трона и направился в гарем.

Участники большого совета были крайне изумлены и не знали, как объяснить все происшедшее...

По повелению шаха все его жены собрались на женской половине и с нетерпением ожидали появления своего властелина. Увидев его в простой одежде, красавицы гарема готовы были расхохотаться, но суровый вид и грозный взгляд шаха заставили их сдержать смех. Хаджи-Мубареку было приказано привести Молла-Расула с двумя его помощниками. Моллы, заранее предупрежденные, ждали у дверей гарема. Когда они вошли и по приказу шаха уселись, он сказал:

— Милые мои жены, с болью в сердце я вынужден сообщить вам о весьма печальном событии. Да будет вам известно, что с этого дня я — уже не повелитель Ирана; у меня нет более ни великолепных дворцов, ни казны, ни других богатств, я не могу вас отныне нарядно одевать и содержать в роскоши. Теперь я — простой житель Ирана, бедный и зависимый. Поэтому я вынужден развестись с вами и предоставить каждой из вас полную свободу в выборе себе мужа.

Потом он приказал молле совершить обряд расторжения брака между ним и его женами. Молла-Расул в присутствии двух свидетелей приступил к своему делу. Жены поняли, что в жизни шаха произошло что-то необычное. Страх и смятение овладели ими. Они ничего не знали о случившемся и стояли растерянные и потрясенные.

По окончании обряда Хаджи-Мубарек, по приказанию шаха, разорвал листы брачных актов.

Затем шах вновь обратился к бывшим женам:

— Если кто-нибудь из вас, презрев бедность и лишения, согласится стать моей женой, то есть женой Аббаса Мухаммед-оглы, то молла вновь совершит брачный акт.

Почти все женщины выразили согласие стать женами шаха, так как он был молод и красив. К тому же они приняли все это за шутку и никак не могли примириться с мыслью, что Шах-Аббас, добровольно и по непонятной им причине отказавшись от престола, превратился в Аббаса Мухаммед-оглы.

Только две красавицы, взятые в шахский гарем против воли, заявили, смущенно потупив глаза, что они во всех отношениях чувствовали себя счастливыми, находясь в брачном союзе с шахом, но теперь, лишившись этого счастья, не согласны вступить в брак с Аббасом Мухаммед-оглы.

Обе красавицы тотчас же получили полную свободу. Одна из них была грузинкой. Ее прислал шаху в подарок правитель Грузии. Взяв свои драгоценности, богатые наряды и много золота, она на следующий же день со своим двоюродным братом уехала на родину. Там не поверили ее рассказам и решили, что она убежала из Ирана. Хотели далее вернуть ее обратно, но потом как-то забыли о ней. Впоследствии она вышла замуж за молодого грузина и осталась в Грузии.

Другая красавица, дочь богатого казвинского купца, была некогда обручена с красивым молодым человеком. Слуги шаха прознали о ее красоте и донесли его величеству. Ее взяли из отцовского дома и водворили в гарем. Она воспользовалась представившимся счастливым случаем, чтобы вернуться в отчий дом. Впоследствии она вышла замуж за своего бывшего жениха. Остальные жены вновь вступили в брак с Аббасом Мухаммед-оглы, после чего Хаджи-Мубареку было приказано отвести их пешком в дом, находившийся на окраине шестого квартала-города Казвина, а самому вернуться во дворец. Последним из гарема вышел Аббас Мухаммед-оглы и скрылся из виду. Мастерская седельника Юсифа находилась на восточной стороне площади, у шахской мечети. Прошло два часа после полуденной молитвы. Юсиф, совершив молитву, усердно работал в своей мастерской, дошивая заказанную ему уздечку, которая по просьбе заказчика должна была быть готова в тот же день. Около него сидели двое друзей и внимательно слушали его. Юсиф говорил о дороговизне, разорившей несчастных бедняков в этот тяжелый год: в конце прошлого года из-за длительной засухи и из-за того, что в районе Казвина было очень мало воды, большая часть урожая созрела. Это и стало причиной дороговизны. Седельник говорил:

— Удивляюсь правительству, которое имеет множество возможностей провести воду в Казвин, но никак не использует их, хоть это очень важно для улучшения положения населения и благоустройства столицы.

В это время с западной стороны площади показалось густое облако пыли. Юсиф, держа в руке иглу, поднял голову и увидел торжественную процессию. Ему, конечно, и в голову не пришло, что она направляется к нему. Впереди шли двенадцать придворных слуг в пестрых костюмах и четырехугольных шапках. За ними двигались двенадцать знаменосцев с разноцветными знаменами в руках. Дальше двигалась толпа придворных слуг; один из них нес на голове большой круглый поднос. Затем следовали вооруженные палками стражи, сопровождавшие главного конюшего, который вел под уздцы красивую лошадь туркменской крови. Дорогое седло и попона на ее спине были усеяны драгоценными камнями, нагрудник расшит эхолотом, уздечка украшена жемчугами, с шеи лошади свешивалась кисть изумрудов.

За ними шли главный молла Ахунд-Самед, военачальник Заман-хан, везир Мирза-Мохсун, казначей Мирза-Яхья, Мовлана-Джемаледдин, главный звездочет Мирза-Садреддин, почтеннейшие ученые богословы, славнейшие сеиды, достойнейшие вельможи, сановники, чиновники и другие представители шахского двора. За блестящей свитой следовали пешие и конные воинские отряды. Торжественное шествие двигалось спокойно, величественно и остановилось перед мастерской седельника Юсифа.

Главный молла Ахунд-Самед и военачальник Заман-хан выступили вперед, отвесили Юсифу низкие поклоны. Юсиф поднялся на ноги и, недоумевая, ответил им таким же поклоном.

Главный молла заговорил первым:

— По предопределению судьбы, ты, мастер Юсиф, с этого дня являешься нашим повелителем. В настоящее время престол иранского государства свободен от Шах-Аббаса. Осчастливь и порадуй нас! Пожалуй во дворец, где должен совершиться обряд твоего восшествия на шахский престол.

Седельник Юсиф, ошеломленный услышанным, не находил объяснений этому происшествию. Перед ним в полном составе стояли представители высшей власти. Слова эти говорил ему не кто иной, как главный молла, считавшийся одним из самых влиятельных людей в Иране. Но вместе с тем все происходящее было до того удивительно и неожиданно, что Юсиф не мог поверить своим глазам и ушам. Наконец, собравшись с духом, он ответил главному молле:

— Высокочтимый молла! Я знаю, что вы один из самых разумных и самых влиятельных людей Ирана, но в данном случае... не знаю... не сошли ли вы с ума, не приняли ли гашиша, что обращаетесь ко мне с такими бессмысленными речами? Я- простой ремесленник, очень далекий от мысли занять престол, между мной и шахом-непроходимая пропасть. Клянусь творцом, я не могу понять, к чему клонятся ваши столь безрассудные речи. Покорно прошу оставить меня в покое и не потешаться надо мной.

Тогда выступил с речью Заман-хан.

— Ты, мастер Юсиф, — сказал он, — являешься в настоящее время кыблой вселенной, а мы все-твои рабы, псы твоего счастливейшего двора. С твоей стороны совершенно неуместно покорно просить нас о чем-либо. Ты можешь повелевать нами. Никто из нас не впал в безумие и не одурманил себя гашишем, все мы в полном сознании и здравом рассудке. Но предопределенное всевышним неотвратимо. С этого дня ты — повелитель всего Ирана. Поэтому, как уже имел счастье просить главный молла, пожалуй во дворец, чтобы без промедления был совершен обряд

коронования.

После этого он обратился к стоявшим тут же четверем придворным слугам и приказал:

— Принесите шахские одежды и оденьте властителя мира!

Держа в руках поднос, на котором находились одежды шаха, придворные слуги вошли в лавку седельника Юсифа. Поставив поднос на пол, они принялись за дело. Сопротивление было бессмысленно, и седельник Юсиф покорно отдал себя в руки слуг. Сняв с Юсифа поношенное платье ремесленника, они одели на него богатое царское одеяние. Затем главный конюший подвел коня, покрытого вышитой золотом и украшенной драгоценными камнями попоною. Седельника Юсифа посадили на коня, и торжественное шествие в прежнем порядке направилось обратно к шахскому дворцу. На улице беспрерывно раздавались громкие, повелительные крики усердных шахских стражей:

— Посторонись! Посторонись!

Все жители Казвина- от мала до велика, мужчины и женщины, прильнули к окнам или, поднявшись на крыши домов, с любопытством смотрели на великолепную процессию. Но никто не знал, в чем дело, все были в большом недоумении.

У шахского дворца слуги помогли седельнику Юсифу сойти с коня. Главный молла и военачальник Заман-хан, подхватив его под руки, ввели в тронный зал и, соблюдая все требования этикета, посадили на шахский трон. Все вельможи, ученые, сеиды, высшие должностные лица и другие представители блестящего двора стали перед ним, сложив на груди руки, в почтительном ожидании.

Прочитав молитву, главный молла возложил на голову седельника Юсифа шахскую корону, на пояс его повесил меч, укрепил осыпанные бриллиантами нарукавники и вложил в руку скипетр. Затем он произнес еще одну молитву, и, обратившись к присутствующим, предложил принести торжественные поздравления шаху.

Дружные и несмолкаемые крики: «Слава ему!» раздалась под сводами и отдались эхом во всех помещениях обширного дворца. Музыка заиграла торжественный гимн, взлетела сигнальная ракета, и за городом раздалась раскаты ста десяти пушечных выстрелов.

Хотя после Саади и Хафиза персидская поэзия пришла в упадок и творения поэтов сводились в большинстве к пустым и бессодержательным сочетаниям

слов, но в этот счастливый день нашлось несколько певцов, воспевших в звучных, торжественных одах восшествие Юсиф-шаха на престол Ирана. В одах прославлялись редкие достоинства нового шаха, уподоблявшегося в мудрости Сулейману, в щедрости — Хатему, в храбрости-Рустему, а могуществом не уступавшего стихии и року. Год его восшествия на престол был отмечен поэтами в следующем двустишии:

Не царем красавцем был наш Юсиф,
Он был шахом государства иранского.

По окончании обряда коронования главный молла объявил всем собравшимся, что они свободны, и придворные немедленно удалились. В великолепном зале остались Юсиф-шах на троне да покорно стоявшие перед ним евнух Хаджи-Мубарек с несколькими евнухами, старший слуга Азим-бек со слугами; во дворе перед дворцом находились люди шахской охраны.

Чувствуя себя как бы в мире чудес, Юсиф-шах на несколько минут погрузился в глубокое раздумье. Затем, обратившись к Хаджи-Мубареку, он спросил:

— Кто вы такие?

— Мы — ваши покорнейшие рабы, — ответил Хаджи-Мубарек, евнухи шахского гарема; я-старший над евнухами, а это-мои помощники.

Потом Юсиф-шах обратился к слугам:

— А вы кто такие?

Азим-бек, главный слуга, ответил:

— Мы — ничтожнейшие слуги вашего величества: я-их начальник, а это-мои подчиненные. Далее Юсиф-шах спросил:

— А те, что стоят во дворе, кто они?

— Это отряд придворных стражей, — ответил Азим-бек. — Они всегда стоят наготове в ожидании шахских приказаний.

Юсиф-шах приказал:

— Удалитесь все отсюда, пусть останется только Хаджи-Мубарек.

Когда все вышли, шах подозвал к себе Хаджи-Мубарека и сказал ему:

— По твоему лицу вижу, что ты — хороший человек. Ради бога, расскажи мне, чем все это объяснить? Не может быть, чтобы ты, постоянно живя в гареме, не знал причины этого события.

Хаджи-Мубарек, действительно, был человек простосердечный и правдивый. Считая недостойным скрывать истину от кыблы вселенной, он решил рассказать ему все. Хаджи-Мубарек всегда стоял за дверьми комнаты Шах-Аббаса, чтобы немедленно, по первому же зову, предстать перед ним. Поэтому он знал все тайны своего повелителя. Он хорошо знал о событиях вчерашнего дня и слышал все, что было сказано на совещании членов верховного совета. Подробно, от начала до конца, рассказал он Юсиф-шаху о случившемся.

— А где Шах-Аббас? — спросил Юсиф-шах.

— Переодевшись простолюдином, он скрылся, и местопребывание его никому не известно, — ответил Хаджи-Мубарек.

Юсиф-шах был человек умный. Звезд он никогда не боялся, и все же такой необычайный поворот в его жизни смущал и пугал его. Однако возведенный на престол придворными и знатью, он не имел возможности сложить с себя обязанности шаха. Таким образом, вынужденный обстоятельствами Юсиф-шах принял на себя управление государственными делами Ирана.

Первым делом он потребовал к себе начальника охраны Асад-бека и строго приказал ему:

— Немедленно отправляйся с двенадцатью воинами в город, возьми под стражу главного моллу Ахунд-Самеда, военачальника Заман-хана, везира Мирза-Мохсуна, казначея Мирза-Яхью, главного звездочета Мирза-Садреддина, Мовлана-Джемаледдина и посади всех их в темницу Арика. Исполнив приказание, вернись и доложи мне.

Асад-бек, низко поклонившись шаху, вышел.

Затем Юсиф-шах вызвал к себе главного слугу Азим-бека и приказал:

— Сегодня я ничего не ел, вели приготовить мне ужин!

Главный слуга доложил шаху, что поварам сделано соответствующее распоряжение, и они заняты приготовлением ужина.

Тогда шах пожелал осмотреть дворец, комнаты гарема и свою опочивальню.

Главный слуга Азим-бек и евнух Хаджи-Мубарек, идя впереди, показывали ему залы внутренних покоев. Первый зал был устлан дорогими узорчатыми коврами. На стенах и на потолке были изображены птицы, цветы и травы. Во втором зале, пол которого также был покрыт дорогими коврами, красовались портреты прежних шахов из династии Сефевидов и отличившихся в каком-либо искусстве царевичей. В третьем зале были собраны картины с изображениями знаменитых царей других династий. Стены четвертого зала были расписаны фресками, на которых были изображены воспетые в книге «Шахнаме» сцены борьбы древних иранских витязей с мазандаранскими дивами с рогами и хвостами. Стены следующего зала рассказывали о походах и битвах с другими народами Шах-Исмаила из династии Сефевидов. Стены всех комнат гарема были украшены изображениями девушек и юношей. Юноши предлагали девушкам букеты цветов, а те протягивали им наполненные вином золотые чаши. В каждой комнате гарема было роскошнее ложе.

Юсиф-шах выбрал одну из комнат гарема для своей опочивальни. Затем он спросил Хаджи-Мубарека, где хранятся наряды и украшения бывших обитательниц гарема. Хаджи-Мубарек сказал, что наряды и украшения шахских жен находятся в особой комнате, но она заперта, и ключ от нее — у хранителя сундуков, Ага-Гасана. Хранитель сундуков был немедленно вызван, он и открыл хранилище. У всех четырех стен большой комнаты были расставлены сундуки всевозможных размеров. Юсиф-шаху показали разнообразные роскошные женские наряды, дорогие кашемировые шали, тонкие шелковые ткани, платья из дорогой парчи, золотые филигранные букеты и диадемы из самоцветов, бриллиантовые серьги, дорогие кольца, жемчужные ожерелья и множество других сокровищ.

У Юсиф-шаха было три дочери и два сына. Старшей дочери исполнилось четырнадцать, а двум другим-двенадцать и восемь лет. Одному сыну было шесть лет, другому-четыре года. Для каждой дочери он выбрал букет, кольцо, ожерелье, серьги, тонкую шаль и красивое платье. Для жены он отобрал такую же шаль и платье. Передав Хаджи-Мубареку все эти вещи, он приказал отнести их домой на вторую улицу Казвина и вручить жене. Вместе с тем он велел сказать ей, чтобы она не беспокоилась о его участи и прислала завтра к нему сыновей.

Хаджи-Мубарек ушел в сопровождении двух стражей, которым ведено было нести подарки.

Солнце клонилось к закату. По почтительному приглашению главного слуги шах вернулся в первый зал, где в золотых подсвечниках горели свечи и был накрыт стол для шахской трапезы. Совершив омовение и вечернюю, а затем

и ночную молитвы, шах сел ужинать. Слуги подавали разнообразные яства. Шах утолил голод. Скатерть была убрана. Принесли шаху таз с кувшинчиком, и он помыл руки. Подали кофе, после чего принесли кальян, и он стал курить.

В это время вошел военачальник дворцовой охраны Асад-бек и доложил, что приказание его величества исполнено. Шах выразил удовлетворение и отпустил его. Вслед за ним явился Хаджи-Мубарек и доложил, что посланные вещи переданы по назначению. Жена и дочери шаха пришли в восторг от присланных подарков. Они не только больше о нем не беспокоятся, но очень рады неожиданному счастью и прыгают от радости.

Затем шах расспросил Хаджи-Мубарека и начальника охраны о некоторых интересовавших его вещах, а когда наступила ночь, пошел в свою опочивальню. Ему приготовили постель. Он приказал начальнику охраны расставить стражу в том же порядке, как это было раньше, лег и вскоре уснул. Главный слуга и евнух Хаджи-Мубарек вышли от шаха, и каждый удалился в свою комнату.

На следующий день Юсиф-шах пригласил своих друзей: Молла-Рамазана, Курбан-бека, Мирза-Джалила и Мирза-Заки, которым полностью доверял. Когда они явились, шах отдал должность главного моллы Молла-Рамазану, Курбан-бека назначил военачальником, пожаловав ему вместе с тем ханское звание; везиром назначил Мирза-Джалила, а государственным казначеем-Мирза-Заки, должность же главного звездочета была упразднена как вредная и народу и государству.

Шах приказал разослать правителям всех провинций строгий указ о том, чтобы они не смели взыскивать с населения неправильные и непредусмотренные законом налоги, чтобы правители ради личной наживы и удовлетворения своих страстей, не налагали на мирных граждан незаконных взысканий, не казнили, не подвергали их наказаниям и пыткам, вроде выкалывания глаз, отсечения ушей и носа. Затем шах назначил в каждый округ надежных чиновников-надзирателей. Им вменялось в обязанность собирать точные сведения о состоянии каждого округа, о нуждах населения и обо всем докладывать лично его величеству.

Шах вызвал этих новых чиновников-надзирателей во дворец и обратился к ним со следующей напутственной речью:

— Объявите от моего имени правителям провинций, чтобы они боялись бога, судили по справедливости, не разоряли населения лихоимством и незаконными поборами. Пусть они твердо помнят, что подобные поступки станут впоследствии причиной их собственного несчастья, а то и гибели. Они не раз были свидетелями того, как люди, нажившие себе богатства неправым

способом, в конце концов впадали в ужаснейшую нищету и даже лишались головы. Ни один род в Иране не сохранил богатств, добытых путем несправедливых поборов и грабежей. Где несметные богатства Джафар-хана Дамаганского? Где сокровища Селим-хана Карагезлу? Где имущество Мирза-Наги Ширазского? Каждого сановника, разбогатевшего на государственной службе, иранские повелители под тем или иным предлогом всегда привлекали к ответственности, отбирали у них все нажитое насильем имущество, а самих подвергали казни или обрекали на жалкое существование в нищете. Правители провинций подобны в этом отношении пиявкам, которые раздуваются от высосанной крови, но затем, когда их отрывают, теряют все высосанное; многие из пиявок гибнут, а некоторые делаются хилыми и немощными. Если правители умерят свои желания и смогут удовлетвориться положенным им по закону жалованьем, они укрепятся в своем положении, будут любимы населением, получат повышение по службе, увеличат свое благосостояние и прославят свое доброе имя.

После этого он отпустил надзирателей.

По распоряжению шаха были сокращены расходы двора.

Он обратил особое внимание на благоустройство путей сообщения; велел отремонтировать все дороги и восстановить мосты, построить между городами и большими селами постоянные дворы и заезжие дома, открыть в каждом округе школы и больницы; там, где ощущается недостаток в воде, прорыть каналы и провести воду; оказывать помощь вдовам, сиротам, калекам, слепым.

Юсиф-шах запретил всяким бездельникам причислять себя к духовенству, а те, кто выражал желание иметь духовный сан, получали особое разрешение главного моллы; еще Юсиф-шах постановил, чтобы повсюду число духовных лиц соответствовало нуждам и потребностям населения. На содержание духовенства шах назначил определенную сумму из государственной казны; этим он ставил духовенство в зависимость от правительства и зажимал рты моллам, которые называли паразитами живущих на жалованье чиновников.

Затем он исключил из ведения ученых богословов судебные дела, входящие в компетенцию государственной власти, и передал их особым правительственным судам. Этим распоряжением он добивался того, чтобы население не чувствовало себя в судебных решениях зависимым от духовных лиц, не обращалось к ним со своими спорами, а шло в государственный орган.

Он приказал также, чтобы пожертвования и другие средства, собираемые в пользу беднейшего населения, поступали в ведение четырех наиболее

честных горожан, которые должны были отпускать деньги соразмерно нуждам каждого бедняка и об израсходованных суммах ежегодно представлять отчет в государственную канцелярию; этой мерой он добивался равномерного распределения средств между всеми нуждающимися.

Отменена была выдача пятой части дохода на содержание духовенства и потомков пророка-сеидов, с тем чтобы потомки пророка, да будет благословенно имя его, отрешились наконец от попрошайничества и занялись, как все прочие люди, честным трудом. Авторитетные ученые-богословы отыскивали в священных книгах соответствующие указания, на основании которых и был отменен этот налог.

Шах велел обнародовать по всем провинциям, чтобы отныне никто не смел подносить подарки ни ему, ни высшим представителям власти, ни другим чиновникам, а также не добивался чинов путем подношений и подарков, так как чины должны предоставляться лицам, доказавшим свою честность и способность к государственной деятельности.

Все доходы провинций должны были поступать в государственную казну и храниться по округам у надежных лиц. Расходы государства, заранее определяемые по официальной росписи, должны покрываться из государственной казны по каждому округу отдельно, и к этим расходам ни в коем случае не должно привлекаться население.

Для увеличения государственных доходов Юсиф-шах приказал обложить податями все сословия, не исключая и духовенство; принцы, ханы, беки, купцы, моллы, сеиды и другие граждане, проживающие в городах, обязаны были платить казне десятую часть доходов, проживающие же в деревнях-двадцатую часть.

Было сделано строжайшее распоряжение не задерживать выплаты жалованья войскам и чиновникам, так как это явление порочит государственную власть; жалованье должно выдаваться без всякой просрочки из местной казны округов и провинций.

Был установлен определенный порядок купли и продажи имущества, и сделки в этой области были обложены специальным сбором.

Были также отменены заклады и залоги, так как обладатели капиталов, пользуясь ими, притесняли неимущих, вынуждали закладывать свое имущество по низкой цене, в надежде на то, что по наступлении срока платежа закладчики не в состоянии будут выкупить заложенное.

Юсиф-шаху стало известно, что главный конюший, выгоняя летом лошадей, принадлежащих казне, на горные луга, эксплуатирует и обирает местное

население; что начальник артиллерии, получая жалованье на всех артиллеристов, не выдает им ни гроша; что управляющий государственным казначейством, пользуясь своим положением, распространяет среди населения фальшивые деньги; что казвинский начальник полиции берет взятки; что сборщики податей обирают беднейшее население, проявляя в отношении богачей излишнюю мягкость; что уличные старшины не следят за чистотой улиц...

Особым распоряжением шаха все указанные чиновники были уволены со службы, а на их место назначены честные и добросовестные лица, известные шаху своим безупречным поведением.

Заключенный в темницу главный молла Ахунд-Самед, узнав от тюремщика, что на его место назначен его противник и враг Молла-Рамазан, не вынес удара и умер от разрыва сердца.

Шах повелел расширить улицы Казвина, выровнять на них ямы и рытвины, чтобы прохожие не попадали в них и не калечили себя.

Был установлен порядок приема просителей и жалобщиков высшими правительственными чиновниками.

По особому распоряжению шаха беднейшему населению Казвина, испытывавшему вследствие небывалой засухи большую нужду, была роздана пшеница из государственных зернохранилищ.

Для обеспечения населения водой был организован из опытных землекопов и сведущих лиц специальный совет, которому поручено было разработать и представить на рассмотрение его величества план проведения в Казвин воды.

В эти времена в одной местности, недалеко от Персидского залива, проживали голландцы. В описываемые дни в Казвин прибыл посол со свитой для заключения с иранским правительством договора о торговле. Они были приняты Юсиф-шахом.

Заклучив договор, иностранные гости, щедро одаренные шахом, уехали, восхищенные приветливостью, умом, проницательностью и царственностью повелителя Ирана.

Со дня восшествия Юсиф-шаха на престол прошла неделя. Каждый день был ознаменован для жителей Ирана новыми милостями. В жизни Ирана начался период расцвета, наступили дни счастья и благоденствия. Но, как известно, человек никогда не ценит того, что действительно дорого и полезно для него. Чего, например, недоставало в раю нашим праотцу Адаму и праматери Еве?

Но они нарушили божий запрет и за это были изгнаны из рая. Такова уж природа человека!

Жители Казвина уже не видели изрубленных на части и висящих у городских ворот человеческих тел; они не наблюдали более таких картин, когда палачи на Шахской площади казнили и вешали людей, выкалывали глаза, отрезали носы и уши, и это казалось им сомнительным и непонятным.

Сначала говорили:

— Новый шах, должно быть, человек добрый и кроткий!

Потом начали спорить, действительно ли он так уж добр и милостив, или это объясняется отсутствием у него воли и слабостью характера? В конце концов стали находить в нем множество других пороков. Словом, мирная жизнь под владычеством мудрого и человеколюбивого шаха показалась казвинцам слишком однообразной и скучной.

Бывшие представители власти, отстраненные от занимаемых ими должностей, поняли настроение толпы и, конечно, поспешили воспользоваться удобным случаем. И каждый из них стал вынашивать и обдумывать планы козней и восстания против Юсиф-шаха.

Скоро в Казвине начался большой мятеж.

Зачинщиком мятежа был уволенный новым шахом главный конюший. Встретившись как-то с отстраненным от дел хранителем сокровищ, главный конюший спросил его:

— Скажи, ради аллаха, Мирза-Хабиб, что говорят жители Казвина про нового шаха?

— Казвинцы ненавидят нового шаха и считают его сумасбродом и бездельником, — ответил Мирза-Хабиб.

— Клянусь аллахом, Мирза-Хабиб, простой народ гораздо умнее нас. Скажи, ради аллаха, зачем мы допустили такую великую глупость, добровольно избрав в повелители какого-то невежественного седельника?! Мы сами накликали беду на свои головы. За нашу преданность престолу, за честное и бескорыстное служение государю он лишил нас должности; он унизил нас до того, что во всей казвинской провинции к последней собаке относятся лучше, чем к нам. Клянусь творцом, мы сами опозорили себя на весь мир.

— Да разве мы избрали его шахом? Такова была воля Шах-Аббаса! Что же нам оставалось делать, как не подчиниться его воле?

— Хорошо, но ведь Шах-Аббас тогда был нашим повелителем, и его воля была для нас обязательным законом. Ну, а теперь, когда нет Шах-Аббаса, что может помешать нам свергнуть с престола и уничтожить этого негодяя, проклятого нечестивца, к тому же верующего, по слухам, в переселение душ? Удалив его-с престола, мы смело могли бы посадить на его место достойнейшего из благородной династии Сефевидов; такому шаху, благодаря его происхождению, все подчинились бы беспрекословно.

— Ты говоришь сущую правду, и я во всем с тобой согласен, но нас ведь только двое. Что можем мы сделать? Не лучше ли теперь же, не откладывая, отправиться к бывшему начальнику артиллерии и узнать его мнение по этому вопросу? Ведь он, как и мы, недавно уволен.

И они отправились к начальнику артиллерии, который весьма обрадовался их посещению. Внимательно выслушав их, он во всем согласился с ними и выразил полную готовность принять участие в восстании против Юсиф-шаха, но добавил, что без согласия и участия Багир-хана, начальника конницы, это дело не будет иметь успеха.

— Багир-хан-мой очень близкий друг, — продолжал начальник артиллерии, — поэтому я берусь склонить его к участию в заговоре. Я скажу ему, что в царствование Юсиф-шаха, этого отъявленного нечестивца, нельзя надеяться на шахскую службу, и рано или поздно его постигнет та же участь, какая постигла нас, уволенных; поэтому он должен принять меры к прекращению зла, прежде чем оно успеет разразиться и над его головой. Я уверен, что эти слова подействуют на Багир-хана, тем более что еще вчера на общем приеме шах сделал ему строгий выговор за то, что он, Багир-хан, осмелился в пьяном виде войти в мечеть для совершения молитвы. Раз Багир-хан согласится на это дело, то нет сомнения, что и Фарадж-хан, начальник пеших войск, присоединится к нам. Он — двоюродный брат и зять Багир-хана и не станет ни в чем ему перечить. Отправляйтесь сейчас же к бывшему начальнику полиции города Казвина, заручитесь его согласием и возьмите с него слово, что он будет влиять в том же духе на прежних чинов полиции и уличных старшин, которыми еще недавно он распоряжался.

После этого каждый из заговорщиков пошел выполнять взятое на себя обязательство. Не прошло и трех-четырёх дней, как участники мятежа, собравшись тайно, увидели, что есть полная возможность начать восстание. Заговорщики решили в субботу, рано утром, окружить шахский дворец и, ворвавшись во внутренние покои, убить Юсиф-шаха, а на его место посадить нового шаха из династии Сефевидов.

В день, назначенный для выполнения заговора, рано утром, когда двери шахского дворца еще не были открыты, пешие и конные мятежники, вооруженные до зубов, окружили дворец. Узнав о происходящем, Юсиф-шах

приказал не открывать ворот.

Для нового шаха восстание было полной неожиданностью, так как после ареста главного моллы Ахунд-Самеда, военачальника Заман-хана, везира Мирза-Мохсуна, казначея Мирза-Яхьи, главного звездочета и Мовлана-Джемаледдина, которые пользовались влиянием среди населения и были непримиримыми противниками нового шаха, он считал себя в полной безопасности. Но опасность пришла с той стороны, откуда меньше всего ее можно было ожидать, и застала шаха врасплох.

О восстании скоро узнали и доброжелатели Юсиф-шаха. Быстро вооружившись, они двинулись многочисленным отрядом ко дворцу и стали против мятежников. Уговоры, с которыми они обратились к мятежникам, ни к чему не привели. Скоро друзья шаха убедились, что о примирении не может быть и речи, и решили вступить в бой. Началась перестрелка.

С каждой минутой битва все более ожесточалась. Никто из сражавшихся не хотел отступить, и каждый готов был пожертвовать жизнью, лишь бы одержать верх. После недолгой перестрелки противники вступили в рукопашный бой, бросившись с обнаженными мечами друг на друга. Кровь лилась рекой. Жестокая битва продолжалась три с половиной часа. С обеих сторон из строя выбыло около шести тысяч человек.

Наконец ряды сторонников Юсиф-шаха дрогнули. Этому способствовало главным образом то, что неблагодарная городская чернь присоединилась к мятежникам. В результате, сторонники Юсиф-шаха потерпели поражение и бежали.

Мятежники кинулись во дворец, выбили двери, и, ворвавшись в шахские покои, стали искать Юсиф-шаха. Но его нигде не нашли. Он исчез бесследно. Одни утверждали, что Юсиф-шах во время сражения находился в рядах единомышленников, воодушевляя их своим примером, и что он пал в числе многих. Другие же уверяли, что Юсиф-шаха не видно было среди сражавшихся и что он с самого начала восстания куда-то скрылся. Как бы то ни было, Юсиф исчез; среди убитых его не оказалось, среди живых он также обнаружен не был.

Разграбив дворец шаха, мятежники отправились на базар, где опустошили торговые ряды и постоянные дворы; оттуда они двинулись сначала в армянский, потом в еврейский кварталы, где стали грабить и разорять дома. Они совершили множество недопустимых бесчеловечных деяний.

Солнце зашло. Все разошлись по домам. Восстание закончилось, беспорядки прекратились.

На следующий день главари восстания отправились в темницу Арик и выпустили на свободу военачальника Заман-хана, везира Мирза-Мохсуна, казначея Мирза-Яхью, Мовлана-Джема-леддина и главного звездочета.

Рассказав им о происшедших событиях, мятежники просили совета: кого из династии Сефевидов они считают достойным престола?

Тогда Мовлана-Джемаледдин обратился к ним с вопросом:

— Скажите, ради создателя, какой сегодня день?

Главный конюший ответил, что после праздника Новруза прошло ровно шестнадцать дней. Сердце Мовлана-Джемаледдина переполнилось радостью. Он торжественно объявил, что угрожавшая опасность миновала и что гроза уже вчера разразилась над Юсиф-шахом.

— Всем известно, что в династии Сефевидов нет достойного принца, которого можно было бы посадить на престол; все они искалечены и лишены зрения. Одних лишил зрения Шах-Исмаил Второй, других ослепил Шах-Аббас; никто из них не может быть правителем, и ясно, что таковым будет опять Шах-Аббас.

На это главный конюший заметил, что все они очень рады иметь такого справедливого повелителя, как Шах-Аббас, при котором всем им жилось хорошо, но, к великому прискорбию он исчез бесследно, добровольно отказавшись от престола и короны, и местонахождение его никому не известно.

Мовлана ответил со смехом, что тогда была причина, принудившая шаха на время покинуть престол и корону, но теперь этой причины уже нет, а место, где скрывается Шах-Аббас, им известно. Следует сейчас же пойти за ним и просить его вернуться на престол.

После этого все немедленно отправились к дому, где скрывался Шах-Аббас, и торжественно повели его в шахский дворец. Шах-Аббас опять занял свой трон и по-прежнему стал властителем Ирана. После этого все пошло обычным порядком, будто Юсиф-шаха никогда и не существовало.

Я удивляюсь неразумию звезд: как они не поняли, что иранцы обманывают их, что седельник Юсиф-лже шах, возведенный на престол благодаря хитрости иранцев. Какое простодушие звезд! Как ловко обманули их хитроумные иранцы!

Звезды сделали несчастным бедного, ни в чем не повинного Юсифа, оставив в покое истинного повелителя Ирана Шах-Аббаса, и в течение сорока лет

равнодушно взирали на его деспотизм, жестокость и изуверство. Яркий пример бесчеловечности, жестокости Шах-Аббаса-расправа с родными сыновьями: двоих он ослепил, а третьего умертвил.

Но, пожалуй, нельзя упрекать и звезды, так как они ничего не имели против самого Шах-Аббаса. Им необходимо было уничтожить человека, который занимал иранский трон на пятнадцатый день после праздника Новруза. А в тот день трон и короной владел седельник Юсиф, на которого и обрушился гнев небесных светил!

Могли ли звезды предположить, что иранцы обманут их и вместо законного повелителя Ирана подведут под удар подставного шаха?

И до чего же глупы эти англичане, что чуть было не затеяли войну с таким опасным народом!